

бенности личности и поступки Измайлова нашли отражение в комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума» и повести А.С.Пушкина «Дубровский»³. Измайлову, в отличие от Утятину, довелось пережить утрату юридической власти над крепостными задолго до реформы 1861 года. После нескольких судебных расследований его имения взяли в опеку, а его самого указано было поселить в Туле или Рязани под надзором местных властей. Но не смирившийся с этим генерал продолжал жить в своём рязанском имении Горки, оставаясь грозой для дворовых и крестьян. Он скончался в 1834 году, но о нём долго ещё вспоминали в русском обществе.

Некрасовская глава «Последыш» публиковалась в «Отечественных записках» в 1873 году. Незадолго до этого, в 1871 году, в журнале «Русский архив» (вып. 8) появилась анонимная статья «Из очерков недавней старины», открывавшаяся рассказом об Измайлове, а в 1872 году в «Русской старине» (№ 12) печатался большой очерк А.Г.Пупарёва «Лев Измайлов». О «рязанском Амоне» шла речь в «Записках современника» С.П.Жихарева, печатавшихся в 1853—1854 годах в журнале «Москвитяин», в 1855 году — в «Отечественных записках» и вышедших в 1859 году отдельной книгой. У Некрасова Влас вспоминал: на губернатора, лично приехавшего к Утятину, чтобы убедить его повиноваться царскому манифесту об освобождении крестьян, возмущённый помещик кричал так, что «сердитый голос барина / В застольной дворян слышала». У Жихарева упоминается, как Измайлов и вообще добился смещения рязанского губернатора Д.С.Шишкова, задевшего его самолюбие неосторожным словом. Пишет он и о том, как Измайлов однажды вздумал подарить новому исправнику «тройку лошадей с дрожками». Но исправник не сумел проявить должного подобострастия, и вмиг настроение чванливого самодура переменилось: он велел выпрячь лошадей, надеть хомут на исправника, «запречь его самого в дрожки и заставить отвезти их в каретный сарай под прихлестом арапника»⁴. Сцены издевательства над дворянином, да ещё находящимся при исполнении служебных обязанностей, во времена Некрасова могли показаться неправдоподобными. Поэтому у Некрасова в аналогичном положении оказался дворовый Ипат: «...наш князюшка / Меня рукою собственной / В тележку запрягал...» Но основным источником сведений об Измайлове для Некрасова могли послужить рассказы сотрудника журнала «Современник» С.Т.Славутинского. Его детство прошло в селе Михеево Егорьевского уезда, расположенном недалеко от главной рязанской вотчины Измайлова — села Дединово. Став чиновником особых поручений при рязанском губернаторе, Славутинский в 1858 году был направлен на расследование обстоятельств бунта дединовцев, добивавшихся воли. Под впечатлением от воспоминаний дединовских старожилов о былых временах и их прежнем владельце Измайлове Славутинский занялся изучением архивных материалов. Работа Некрасова над «Последышем» шла одновременно с работой Славутинского над документальным очерком

«Генерал Измайлов и его дворян» («Древняя и новая Россия», 1876). И видимо, не случайно в этих произведениях немало переключек.

У Славутинского также приведён эпизод с запряжённым в коляску исправником. По рассказу автора, Измайлов не любил увеселений, свойственных образованному дворянскому кругу, не признавал бальных танцев. Он предпочитал бешеные скачки на тройках, охоту, крупную картёжную игру, лихие попойки и оргии с участием крестьянских «игриц» и «плясиц». У одного из его слуг была особая обязанность — вечерами на тройке лошадей «разъезжать по деревням измайловским для сбора девок на "генеральские игрища"»⁵. У Некрасова крестьяне жалуются:

*День — каторга, а ночь?
Что сраму-то! За девками
Гонцы скакали тройками
По нашим деревням.*

Перед Последышем, отдыхающим на речном берегу, «поют и пляшут девицы». Заставив танцевать на лугу и своих сыновей с жёнами, «старик их осмеял».

Потехи для своих гостей Измайлов разнообразил грубыми и весьма затейливыми «шутками» с мелкопоместными дворянами: одного привязали к вращающемуся крылу ветряной мельницы и сняли потом «еле живым», другого зашили в медвежью шкуру и «чуть было совсем не затравили собаками», третий «был проташен подо льдом из проруби в прорубь»⁶. У Некрасова в проруби для барского развлечения опять-таки побывал Ипат. По словам Славутинского, Измайлов стремился показать себя рачительным хозяином. Страдая в старости от подагры, он требовал, чтобы его возили по работам, «наблюдал лично и за пахотой, и за покосом, и за уборкою хлебов, и за молотьбою, и за положением скирдов на гумнах». За малейшие, почудившиеся даже упущения немилосердно сёк крестьян и дворовых. Но чем больше он вмешивался в крестьянские работы, тем хуже шло хозяйство. Однажды он жестоко наказал крестьянина, кормившего лошадь собственным овсом, «почему-то вообразив, что этот овёс непременно господский, что он украден этим крестьянином»⁷. Так же строго, но бестолково распоряжался в своём имении Уятин, приказав вновь раскидать по лугу стог сена, показавшегося ему сырым. Он негодует, что крестьяне «гноят господское добро». На самом деле сено было хорошо высушено и принадлежало не ему, а самим крестьянам. В Измайловском Дединове не было пахотной земли, главной ценностью и источником крестьянских доходов были обширные заливные луга по берегам Оки, дававшие отборное сено. Этими лугами дединовцы очень дорожили. Когда Измайлов отобрал покосы, они пытались жаловаться в разные инстанции, но безрезультатно. У Некрасова крестьяне Уятин ради пойменных лугов готовы после отмены крепостного права вновь пойти в добровольную кабалу. Однако всё закончилось безуспешной тяжбой за луга с наследниками Уятин.

Происшествие в Рязанской губернии легло в основу Некрасовского отрывка «Про холопа примерного — Якова верного». О нём Некрасову рассказал А.Ф.Кони, который в студенческие годы в качестве домашнего учителя провёл лето в имении А.Н.Драшусова Панкино Пронского уезда Рязанской губернии. Владелец имения был известным учёным-астрономом, профессором Московского университета. О случае самоубийства верного слуги на глазах помещика поведал Кони сторож волостного правления⁸. Но старик сообщил ходившие по губернии слухи, обраставшие вымышленными подробностями по мере их передачи от одного к другому. История, описанная Кони, произошла с помещиком Сапожковского уезда. Об этом свидетельствуют «Записки» А.И.Кошелева, в 1839—1841 годах исполнявшего обязанности сапожковского уездного предводителя дворянства. В этом уезде он владел обширным имением с многочисленными селениями и большими усадьбами в сёлах Троицком (Дегтяные Борки), Михайловском, Песочня, Чёрная Слобода. По соседству в селе Поляны (Чудлище тож) жил отставной майор, его имя скрыто в «Записках» под инициалами В.И.Ч. Это Василий Ильич Чулков, который и явился прототипом некрасовского господина Поливанова. Биография Чулкова отлична от той, которую дал Некрасов своему герою, но их психологические черты удивительно схожи.

Чулков принадлежал к служилому дворянству, на пятнадцатом году вступил в Екатеринославский кирасирский полк, участвовал в двух войнах России с наполеоновской Францией и Заграничном походе 1813—1815 годов, за Бородинское сражение был награждён орденом Св. Владимира 4-й степени. В 1819 году был уволен в отставку с чином майора и правом ношения мундира. Кошелев писал, что Чулков был «человек недурной, пользовавшийся общим уважением в дворянстве, но жестокий в обращении с крестьянами и дворовыми людьми». Причём происходило это не от злобного нрава, а от привычки к неукоснительной армейской дисциплине: «Он считал своим священным долгом учить своих людей порядочному житию, наказывать лентяев и воров и строго взыскивать за всякие проступки». А потому в его имении «брань, ругательства и сечение крестьян производились ежедневно». При малейших неисправностях «он сажал людей в башню и кормил их селёдками, не давая им пить»⁹. При выполнении тяжёлых земляных работ на них надевались специальные рогатки, не дававшие им возможности прилечь для отдыха на землю. Барин муштровал своих крепостных, как солдат, и его дворовые и крестьяне по всей округе отличались военной выправкой. Чулков не позволял селянам рубить в своём лесу дрова, требуя топить печи выкорчеванными старыми пнями. Поэтому его лес был образцово расчищен и ухожен, зато деревенские избы с уродливым нагромождением разновеликих пней на дворах представляли странное зрелище. Кошелев на правах предводителя дворянства не раз пытался воздействовать на Чулкова и даже угрожал учредить над его имением опеку. Чул-